

Лян Сычжэ вышел из ванной и увидел, что Цао Е снова лежит на кровати, уткнувшись лицом в подушку. Юноша был гармонично сложен, он был стройным и крепким, даже выступающие лопатки на его спине выглядели изящно и красиво. Вытирая мокрые волосы полотенцем, Лян Сычжэ присел на край кровати и посмотрел на Цао Е. Несмотря на тяжесть на душе, рядом с Цао Е ему становилось легче. «Будь что будет», — подумал он. Может ли быть еще хуже? По сравнению с тем, что было два года назад, он многого добился.

— Лян Сычжэ, — вдруг позвал его Цао Е.

— М? — отозвался Лян Сычжэ.

— Не извиняйся. — Его приглушенный подушкой голос звучал неразборчиво.

Лян Сычжэ слегка опешил, а затем ответил:

— Хорошо.

— И не ходи ни на какие ужины.

— Хорошо.

— И в том фильме тоже не снимайся.

— Не буду.

Цао Е говорил, а он соглашался. С тех пор, как Цао Е сказал: «Не извиняйся», у него защемило сердце. Агентство заявило, что он должен извиниться, устроив банкет, иначе они могут

приостановить его деятельность. Продюсер сказал, что съемочная группа столько всего пережила, и теперь судьба всего фильма в его руках. СМИ и общественность говорили: «Если его не устраивали деньги, не надо было браться за этот фильм». И только Цао Е, видя, как Лян Сычжэ загнан в угол, сказал ему: «Не надо извиняться. Не надо идти на поводу у них. Бросай этот фильм». Они были вместе, и он был готов на всё, что скажет Цао Е.

Он подумал, что Цао Е для него, возможно, больше, чем просто человек, который ему нравится. Он был для него единственным родным человеком, близким другом, опорой в борьбе с внешним миром. Сейчас «Лазурная вечеринка» казалась ему тихой гаванью. За её стенами бушевал шторм, но здесь, в этом укромном уголке, было тихо и спокойно. Никто не знал, что они прячутся здесь.

После своих слов Цао Е долго молчал, а затем сказал:

— Я только что говорил с дядей Инем.

Лян Сычжэ ответил: «Угу», давая понять, что слушает.

— Мой отец... собирается снимать новый фильм. Сейчас он проводит кастинг. Прослушивания уже закончились, через пару дней будут пробы. Дядя Инь тебя туда отвезёт.

Лян Сычжэ замер, а затем ответил: «Хорошо». Цао Сююань никогда не снимал одних и тех же новичков дважды, это было общеизвестно, но, раз Цао Е так сказал, он не стал задавать вопросы.

Цао Е еще немного полежал, а затем сел на кровати. Его волосы были растрепаны от трения об подушку. Небрежно пригладив их, он нахмурился. Подняв голову с подушки, он сказал уже более чётко:

— Но дядя Инь сказал только, что постарается помочь. Ты же знаешь, мой отец не очень-то прислушивается к чужому мнению. Так что... всё зависит от тебя.

— Я знаю, — посмотрел на него Лян Сычжэ. — Я сделаю всё возможное.

— Угу, — ответил Цао Е и, выглядя обеспокоенным, снова провел рукой по волосам.

Хотя Цао Е и не подавал вида, Лян Сычжэ чувствовал, что тот волнуется за него. Будучи на два года младше, он сейчас говорил с ним, словно опекая.

— Цао Е, — начал Лян Сычжэ.

Цао Е, опустив голову, коротко ответил:

— А?

— Не волнуйся... — только начал Лян Сычжэ, как в дверь постучали: тук-тук-тук.

Они переглянулись, и Лян Сычжэ пошел открывать. У двери стояли водитель Цао Сююаня и оператор, они оба были знакомы ему по съёмочной площадке «Тринадцати дней». Лян Сычжэ вежливо поздоровался:

— Дядя Сюй, Цю-цзе.

— А-Инь попросил меня и Лэй-гэ заехать за вами и рассказать тебе о роли в фильме «Красный мужчина, красная женщина», — оператор Цю Лу заглянула в комнату. Она была одной из немногих женщин-операторов в индустрии и много лет работала с Цао Сююанем. — Сюэ Е тоже здесь?

— Да, — Лян Сычжэ отошел в сторону, пропуская её.

— Ну и дел вы натворили, — усмехнулась Цю Лу. — Все сегодняшние заголовки снова о тебе.

Лян Сычжэ выдавил слабую улыбку. Цю Лу вошла в комнату и, присев перед Цао Е, с интересом осмотрела его:

— Давно не виделись, сяо Е. Помнишь меня?

— Цю-цзе, — отозвался Цао Е без особого энтузиазма. Сейчас, видя людей из съемочной группы, он невольно задумался, знают ли они об отношениях Чжэн Иня и Цао Сююаня. И если знают, то как они относятся к нему? С жалостью? Считают его посмешищем? Или просто наивным дурачком?

Но Цю Лу, казалось, не заметила его отстраненности:

— Каким красивым ты вырос! Взял всё лучшее от мамы и папы.

— Пойдёмте, — поднимаясь, неловко произнес Цао Е.

По дороге вниз Цю Лу постоянно задавала Цао Е разные вопросы: где он учился, на кого, и так далее. Цао Е не очень хотел разговаривать, но, помня наставления своей матери о вежливости к старшим, отвечал на все вопросы. В машине Цю Лу села на переднее сиденье и, повернувшись, начала рассказывать Лян Сычжэ о роли:

— Этот персонаж непростой... хм... — она запнулась, — он... маргинальный тип. Слышал про трансвеститов?

— Трансвеститы? — в голосе Цао Е прозвучало удивление. Он не ожидал, что Цао Сююань возьмется за такую щекотливую тему.

— Неожиданно, правда? — Цю Лу обернулась к ним. — Когда а-Инь сказал, что хочет пригласить Сычжэ на прослушивание, я тоже удивилась. Сложно представить тебя в этой роли... Но не волнуйся, а-Инь знает режиссёра Цао лучше всех. Если он считает, что ты справишься, значит, всё получится.

Цао Е нахмурился и, отвернувшись к окну, с трудом сдержался, чтобы не перебить Цю Лу.

— На эту роль пока не нашли подходящего новичка, — продолжала Цю Лу. — У них не хватает нужной... искры. Большинство, надев женскую одежду, начинают стесняться, смущаться. Но Ли Нянь — совсем другой. Он свободный, раскованный. Он уверен, что должен выглядеть именно так, он считает себя красивым. В женской одежде он по-настоящему расслаблен, потому что может спрятаться за ней...

Цао Е натянул капюшон, откинулся на спинку сиденья и, притворяясь спящим, закрыл глаза. Он не хотел слышать о том, как слаженно работают Цао Сююань и Чжэн Инь, и о том, как Лян Сычжэ будет играть трансвестита. Заметив это, Лян Сычжэ посмотрел на него, но ничего не сказал.

«Как всё так обернулось?» — думал Цао Е. Он испытывал отвращение к Цао Сююаню и Чжэн Иню, но был вынужден идти у них на поводу, выторговывая возможность прослушивания. Если Лян Сычжэ пройдет пробы, что будут писать СМИ? Но в то же время он не хотел, чтобы Лян Сычжэ провалился и вернулся к съёмкам в том фильме. Какой-то замкнутый круг. Закрыв глаза, он старался ни о чём не думать и ничего не слышать.

Через некоторое время Лян Сычжэ коснулся его руки. Цао Е открыл глаза. Лян Сычжэ протянул ему телефон. На его экране в заметках была одна строчка: «Не волнуйся, я снова получу награду за лучшую мужскую роль». Должно быть, это то, что он не успел сказать в комнате. Цао Е вернул телефон. Лян Сычжэ, не убирая руку, продолжил печатать большим пальцем одной руки: «И стану очень влиятельным».

Цао Е долго смотрел на эту строчку, потом тихо пробормотал:

— Какое мне до этого дело? — и отвернулся.

— Что случилось? — Цю Лу прервала свой рассказ и обернулась к Цао Е. — Что ты сказал, сяо Е?

— Ничего, — ответил Цао Е.

Лян Сычжэ посмотрел на Цао Е. Большая часть лица юноши была скрыта капюшоном, он делал вид, что смотрит в окно. «Ну и чудной же он», — подумал Лян Сычжэ, а затем потрепал Цао Е по волосам и убрал руку прежде, чем тот успел повернуться. «Даже когда он такой чудной, все равно милый», — подумал он.

«Лазурная вечеринка» находилась недалеко от студии Цао Сююаня, до неё можно было добраться за двадцать минут. Чем ближе они подъезжали, тем сильнее становились отвращение и неприязнь Цао Е. Несмотря на то, что он дал обещание Чжэн Иню, сейчас, когда момент их встречи приближался, он не хотел их видеть. Неужели ему придется наблюдать, как Чжэн Инь будет умолять Цао Сююаня?

Ему хотелось сбежать. Не хотелось встречаться с ними. Не хотелось разговаривать с Чжэн Инем. О чём вообще с ним разговаривать? Он чувствовал только раздражение. Цао Е одной рукой взялся за дверную ручку, а другой набрал сообщение на телефоне.

Студия Цао Сююаня состояла из нескольких невысоких зданий. Машина въехала на территорию, плавно объехала дорожку и остановилась перед одним из них. Как только машина остановилась, Цао Е отправил сообщение и выскочил из машины. Раз ему не хочется встречаться, пусть будет так. Он быстро побежал к выходу, и, прежде чем кто-то успел среагировать, выбежал за ворота.

— Эй? — Цю Лу удивленно посмотрела на мелькнувшую спину Цао Е. — Куда это сяо Е?

Телефон в руке Лян Сычжэ завибрировал. Он посмотрел на сообщение от Цао Е, отправленное две секунды назад, как раз когда тот выходил из машины: «Успешного тебе просушивания. Не догоняй меня». От чего он так убежал? От него самого? Или от предстоящей встречи с Цао Сююанем?

— Лэй-гэ, может, поедем за ним? — спросила Цю Лу водителя.

— Не надо, — сказал Лян Сычжэ.

— Он сказал тебе, куда идёт, Сычжэ? — спросила Цю Лу.

Лян Сычжэ в ответ промычал что-то невнятное. На самом деле он не знал, куда направился Цао Е. Ему казалось, что за последние два года у Цао Е начался запоздалый подростковый бунт, и он часто не понимал, что было у того на уме. «Хочет спрятаться — пусть прячется. Пусть спрячется там, где его никто не найдёт. А я буду его прикрывать, пока ему не надоест», — подумал Лян Сычжэ. Он сидел на диване в холле, листая сценарий, который дала ему Цю Лу, и ждал Чжэн Иня. Цао Сююань и Чжэн Инь пришли вместе. Когда они вошли, Чжэн Инь что-то рассказывал.

Лян Сычжэ закрыл сценарий, встал и обратился к Цао Сююаню:

— Цао-лаоши.

— Где Цао Е? — нахмурился Цао Сююань.

— Он пошел к друзьям. Они празднуют его восемнадцатилетие, — ответил Лян Сычжэ. Это объяснение он придумал заранее, подумав, что каким бы чёрствым ни был Цао Сююань, он должен проявить хоть немного уважения к своему сыну, только что отпраздновавшему совершеннолетие.

— Тогда расскажи, что произошло вчера вечером.

Лян Сычжэ кратко пересказал события в отеле. Выслушав его, Чжэн Инь заступился за Цао Е:

— Юань-гэ, сяо Е, конечно, погорячился, но он не сделал ничего плохого. Я знаком с Цзян Хуа, он иногда перегибает палку...

— Он слишком наивен, — перебил его Цао Сююань. — Разве он не знает, насколько жесток мир денег?

— Наивность — не всегда плохо, — спокойно ответил Чжэн Инь.

— В таком случае, разгребай этот беспорядок сам. Не обращай ко мне, — Цао Сююань развернулся и пошел в свой кабинет.

Чжэн Инь с досадой посмотрел на Лян Сычжэ:

— Я могу только попробовать замолвить за тебя словечко, но решение о прослушивании принимает только Юань-гэ.

— Дядя Инь, я попробую поговорить с ним сам, — сказал Лян Сычжэ.

Чжэн Инь опешил, а затем махнул рукой, приглашая его следовать за собой. Лян Сычжэ вошел в кабинет. Цао Сююань уже снял пальто, закурил сигарету, сел в кресло и взял сценарий. Увидев Лян Сычжэ, он лишь взглянул на него, но ничего не сказал.

— Цао-лаоши, — обратился к нему Лян Сычжэ.

— Угу, — равнодушно отозвался Цао Сююань.

— Я пришёл не для того, чтобы выпросить себе роль. Я просто хотел попросить вас не ругать

Цао Е за это, — Лян Сычжэ сделал паузу и продолжил: — Когда он будет снимать фильмы, он обязательно узнает, насколько жесток мир денег. Но сейчас, я думаю, эту наивность нужно оберегать.

Цао Сююань сначала промолчал, выдержал паузу, выкурил половину сигареты и только потом спросил:

— Тройная неустойка. Как ты собираешься её выплачивать? Твоего гонорара за прошлый фильм, вероятно, не хватит.

— Я еще не решил, что буду делать дальше, — честно ответил Лян Сычжэ.

— Что делать дальше? Ты думаешь, у тебя есть варианты? После такого скандала кто возьмёт тебя сниматься в ближайшее время? — продолжил Цао Сююань. — Ты останешься без работы, вернёшься в свою «Зону карантина». Думаешь, продюсер и инвесторы тебя отпустят просто так? — Наивность... оберегать наивность, — Цао Сююань захлопнул сценарий и хмыкнул. — Смешно. — Он стряхнул пепел, затушил сигарету и бросил сценарий в Лян Сычжэ. Тот поймал его.

— Договоримся сразу: пройдёшь прослушивание или нет — зависит только от тебя. Я не буду делать тебе поблажек из-за этой истории, — сказал Цао Сююань. — Если пройдёшь — неустойку оплачу я. Не пройдёшь — иди куда хочешь.

— Спасибо, Цао-лаоши.

— Пусть он не будет наивным, и ты тоже не будь наивным. В ближайшие дни, что бы ни спрашивали журналисты, держи рот на замке. Прячься, не трать силы впустую. Всё, иди читай сценарий.

Следующие два дня Лян Сычжэ не выходил из студии Цао Сююаня, читая сценарий. По совету Чжэн Иня, он не отвечал на звонки от агентства и продюсеров, решив разобраться со всем после прослушивания.

Роль Ли Няня было сложно прочувствовать. В отличие от сяо Маня, который был сдержанным и замкнутым, Ли Нянь, несмотря на свою тяжелую жизнь, был свободолюбивым человеком. В нем было своего рода безумие. Этот персонаж был гораздо сложнее сяо Маня, и, естественно, играть его было труднее.

Кроме того, у Ли Няня было много сцен без слов. Он считал свой голос неприятным, слишком мужским, поэтому, переодевшись в женскую одежду, он притворялся немым. Не говорить, но при этом передавать эмоции мимикой — вот в чем заключалась еще одна сложность этой роли.

Лян Сычжэ потратил полтора дня, чтобы разобраться в сценарии и характере этого персонажа. На второй день он попросил у Чжэн Иня документальный фильм о трансвеститах. Чжэн Инь пошел к стеллажу с дисками, а Лян Сычжэ, опустив взгляд, увидел на его столе развернутую газету. Заголовок гласил: «Цао Сююань раскритиковал продюсера «Зоны карантина», обвинив его в принуждении актёров к участию в пьянках с инвесторами».

Лян Сычжэ взял газету и прочитал статью. Заголовок был немного преувеличен. Судя по тексту, Цао Сююань сказал журналистам лишь одну фразу: «Продюсер заставил актёра выпивать с инвесторами, а когда тот отказался, продюсера избили. Это называется не отказом от роли, это называется сопротивлением».

Чжэн Инь нашел диск, подошел и передал его Лян Сычжэ. Видя, что тот читает газету, он усмехнулся:

— Эти слова Цао Лаоши, должно быть, сняли напряжение?

— Это интервью Цао-лаоши давал вчера? — спросил Лян Сычжэ, отложив газету.

— Ага, вчера. Мы были на выезде, выбирали место для съёмок. Мне позвонил журналист, я хотел повесить трубку, но он выхватил у меня телефон и сказал все это.

Лян Сычжэ промолчал, вглядываясь в слова Цао Сююаня, обращенные к прессе.

На следующий день, около двух часов дня, все остальные кандидаты на эту роль уже были загримированы. Лян Сычжэ был последним. Он сидел в углу павильона, пока гримёр наносил ему макияж, водя кисточкой по его векам.

— Готово, — пример отложил кисточку. — Сычжэ, открой глаза, посмотри.

Лян Сычжэ открыл глаза. Человек в зеркале с макияжем smokey eyes выглядел незнакомо, почти андрогинно. В павильоне уже были установлены декорации, залитые смесью ярко-жёлтого и тёмно-синего света. Шторы не были полностью задёрнуты, и полоска яркого света падала на его лицо.

— Следующий на пробы, — сказал Цао Сююань, сидящий за монитором.

Лян Сычжэ направился к площадке. С каждым шагом в его голове звучал голос:

«Сыграй хорошо».

«Получи эту роль».

«Получи ещё одну награду за лучшую мужскую роль».

«Стань сильным».

«Настолько сильным, чтобы защитить ту юношескую наивность».

Автору есть, что сказать: Следующая глава — настоящее.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130286>